

Е.И. Майорова

АЛЕКСАНДР III БОГАТЫРЬ НА РУССКОМ ТРОНЕ

*Тайны
Российской
Империи*

Тайны Российской империи

Елена Майорова

**Александр III – богатырь
на русском троне**

«ВЕЧЕ»

2012

Майорова Е. И.

Александр III – богатырь на русском троне / Е. И. Майорова —
«ВЕЧЕ», 2012 — (Тайны Российской империи)

ISBN 978-5-9533-6055-5

По воле судьбы этот император оказался как бы в тени других венценосных правителей России. В памяти потомков – великие реформы его отца, Александра II, Царя-Освободителя, погибшего от рук «народовольцев». Без преувеличения легендарна эпоха его сына, Николая II, вместившая в себя всё, что вообще может происходить в истории, – эпоха, завершившаяся мученической смертью венценосной семьи. Но не спешите с унылой школярской оценкой внешне неброского «периода контрреформ Александра III». На страницах новой книги Елены Ивановны Майоровой перед вами предстанет титанический образ императора, необычайно высоко поднявшего международный престиж Отечества. Решение сложнейших политических проблем на Балканах, расширение границ империи в Средней Азии и на Дальнем Востоке, строительство Сибирской железнодорожной магистрали... И в центре этих интригующе интересных, легко и содержательно выписанных сюжетов – прямолинейный, честный, простой в быту и твердый в убеждениях человек, безмерно любящий семью, тонкий ценитель искусства – русский царь Александр III.

ISBN 978-5-9533-6055-5

© Майорова Е. И., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Вступление	6
Часть первая. Великий князь	8
Скелеты в шкафу (императорская чета)	8
Николай и Александр	13
Первая любовь (Мария Мещерская)	18
Смерть наследника	21
Часть вторая. Престолонаследник	24
Тайна датского брака	24
В Аничковом дворце	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Майорова

Александр III – богатырь на русском троне

©Майорова Е.И., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Царствование Александра III более 100 лет после его кончины многими трактовалось как период ломки реформ, проводимых его отцом, или даже время «разнузданной реакции». С другой стороны, Александр III остался в истории как всеобщий миротворец, третейский судья в спорах между европейскими государствами, человек, уверенный в верности выбранного пути. Даже хулители с оговорками признавали успехи его деятельности как рачительного хозяина государства Российского, стремление к просвещению своего народа, военные реформы. Но в любом случае его жизнь представлялась жизнью заурядного человека – настолько ровной, однообразной и небогатой яркими событиями, что удостоилась в основном только немногочисленных описаний документалистов. Однако под этой кажущейся простотой и ровностью крылись не только личные тайны, но и изощренные хитросплетения европейской политики.

Александр III был особенно ненавидим советскими историками. По-видимому, историография победившего пролетариата не могла простить этому монарху казни брата В. Ленина.

В советской историографии его принято было изображать тупым неповоротливым пьяницей. Окруженный такими же эксплуататорами трудового народа – великими князьями, он только и делал, что угнетал бесправных и обездоленных рабочих и крестьян. Его борьба с боевиками «Народной воли» – сейчас их называли бы террористами – принесла ему славу махрового реакционера. Его нельзя было снисходительно похвалить, как отца, за отмену крепостного права, заметив при этом, что освобождение крестьян не пошло им во благо – таких масштабных реформ он действительно не проводил. Нельзя было и заклеить позором, как деда, за поражение в Крымской войне – ни оборонительных, ни захватнических войн он, единственный правитель государства с IX века, не вел. Забыто было, что Россия во время его царствования добилась больших успехов в развитии главных отраслей народного хозяйства, вошла в число великих железнодорожных держав, что русский рубль стал конвертируемой валютой; что на все существенные вопросы имелись точные ответы в законах, которые подлежали исполнению, пока не были отменены. Его медленная, неяркая, но упорная работа по обустройству дарованной ему Богом страны не привлекала благосклонного внимания потомков, падких на сенсации, и беллетристов, обожающих «остренькое, с перчиком». Его частная жизнь была безупречна не из расчета на популярность, а исключительно по требованию сердца. Любящий муж, заботливый отец, попечительный родственник – как скучно описывать все эти пресные добродетели! Добро вообще не так притягательно, как зло: «зло привлекательней добра, и ярче, и разнообразней».

Какой простор воображению открывали многочисленные реформы, любовные эскапады его предшественника и, наконец, его зверское, бессмысленное убийство! Каким драматизмом наполнены 50 лет жизни его преемника с покушением в Японии, романом с Кшесинской, демоническим Распутиным, фатальной болезнью наследника, отречением и загадочной трагической гибелью! Александр III со своими добрыми намерениями, немецким педантизмом и смертью от хронической болезни в собственной постели в кругу родных просто затерялся между двумя этими судьбоносными царствованиями. И если для увековечения жизни и деятельности Александра II было тринадцать относительно спокойных лет правления его любящего сына, то события конца XIX – начала XX века не способствовали мирным трудам Клио. Александр III так и остался в сознании большинства одним из «паразитов трудящихся масс».

Пожалуй, только В.О. Ключевский по достоинству оценил деяния этого царя: «В царствование Александра III мы на глазах одного поколения мирно совершили в своем государственном строе ряд глубоких реформ в духе христианских правил, следовательно, в духе европейских начал – таких реформ, которые стоили Западной Европе вековых и часто бурных усилий,

а эта Европа продолжала видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мира...

Прошло тринадцать лет царствования Императора Александра III. И чем торопливее рука смерти спешила закрыть Его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования... Европа признала, что Царь русского народа был и государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое признание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле Царя выражается мысль его народа, и воля народа становится мыслью его Царя.

Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным природным членом семьи своих народов.

Наука отведет Императору подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее добиться победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее».

Зато поэты – заведомые льстецы! – не уставали славословить монарха. А.А. Фет восславлял его восшествие на престол:

Как солнце внешнее, сияя
В лучах, недаром ты взошел
Во дни живительного мая
На императорский престол.
Горит алмаз, блестят короны,
И вокруг соборов и дворца,
Как юных листьев миллионы,
Обращены к тебе сердца.
О, будь благословен сторицей
Над миром, Русью и Москвой
И богоданной багрянницей
От искушенья нас укрой.

Обязанный короной непостижимой воле Судьбы, этот император посвятил свою жизнь выполнению долга перед страной и подданными, принял на свои широкие плечи всю тяжесть проблем, накопившихся за время предыдущего царствования. Наследник династии, взявшей себе имя Романовых, но являвшейся, по существу, немецкой, он был гораздо более русским человеком, чем иные русские по крови. И обязан своими качествами прежде всего семье и родителям, императору Александру II и императрице Марии Александровне.

Часть первая. Великий князь (26.02.1845—12.04.1865)

Скелеты в шкафу (императорская чета)

Гессен-Дармштадтская принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария – будущая российская императрица Мария Александровна, восхитившая грацией и умом В.А. Жуковского, – в многочисленной мемуарной литературе представляется предметом безусловного обожания цесаревича Александра Николаевича. Когда наследник российского престола как какой-нибудь сказочный принц путешествовал по Германии для выбора невесты, она не была даже включена в список претенденток. Ей исполнилось в это время четырнадцать лет. Цесаревич случайно заехал в Дармштадт и был настолько очарован скромной прелестью девочки, что немедленно поручил приближенным отвести отцу свое желание жениться только на ней.

Но никуда не деться от не менее многочисленных свидетельств того, что наследник выбрал жену с досады, «назло» фамилии, разрушившей его счастье с полькой Ольгой Калиновской. Казалось бы, чем он так досадил родителям, избрав в жены, как это уже стало традицией в доме Романовых, немецкую принцессу?

Гессенский ландграфский дом в XVI веке приобрел большую известность благодаря своей активной внешней политике. Именно тогда он разделился на две враждующие ветви: Дармштадтскую и Кассельскую. В XVIII веке Дармштадт стал поставщиком невест в лучшие дома Европы. Император Павел первым браком был женат на Вильгельмине Дармштадтской и обожал свою супругу. Александр I вступил в брак с ее родной племянницей по материнской линии Елизаветой Баденской, и хотя в их семейной жизни случались и взлеты, и падения, упрекнуть императрицу в недостаточно голубой крови было невозможно.

Ларчик открывался просто: с происхождением принцессы было не все ладно. Ее матерью, бесспорно, являлась Вильгельмина Баденская, но супруга Вильгельмины, герцога Людвига, никто не считал отцом двух младших детей. Муж и жена «разъехались» за два года до рождения дочери. История сохранила имя предполагаемого родителя будущей русской императрицы: шталмейстер (некоторые утверждали – берейтор) француз (швейцарец?) Луи де Гранси.

Рассказывают следующий анекдот. Когда граф Орлов доложил о сомнительном происхождении избранницы императору Николаю, тот ответил: «А мы-то с тобой кто? Пусть осмелятся в Европе назвать супругу российского наследника незаконнорожденной!» Какое смелое высказывание со стороны этого чудовища (казнил декабристов, приставал к женщинам, проиграл Крымскую войну...)! Но сколько ни глумились в советское время над российскими императорами, сколько ни припечатывали Николая I прозвищами «жандарм Европы», «Николай Палкин» и пр., никто никогда не заикался о его незаконном происхождении. Может быть, потому, что пришлось бы признать: жестоко угнетал Россию сын «простого русского» человека?

История такова. После тяжелых родов супруги Павла I, великой княгини Марии Федоровны, муж, увлеченный Нелидовой, воспользовался нездоровьем жены как предлогом и прервал с ней супружеские отношения. Пожаловавшись императрице Екатерине, цесаревна получила неожиданный совет: отплатить неверному той же монетой. Как пишет И. Чицова, Мария Федоровна, сначала найдя утешение у Муханова, затем «увлеклась 23-летним красавцем гоф-фурьером Данилой Бабкиным, значительно моложе ее. Она явно шла по стопам своей свекрови. В 1795 году цесаревна родила от любимого человека дочь Анну, а через год сына Нико-

лая, детей, очень похожих друг на друга и как две капли воды похожих на Бабкина, но, естественно, ничуть не похожих на Павла, а также на своих старших братьев и сестер».

Недаром Павел писал своему другу Ф.В. Ростопчину, что «Александр и Константин – мои кровные дети. Прочие же? ... Бог весть!.. Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь от нее детей. В горячности моей я начертил манифест “О признании сына моего Николая незаконным”, но Безбородко умолил меня не оглашать его. Но все же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг, к дядям, с глаз долой: гоф-фурьерский ублюдок не должен быть в роли русского великого князя...»

Имея за плечами такое наследие, Николай отнюдь не считал, что незаконнорожденность – каинова печать. Он не только не ужаснулся сомнительному происхождению принцессы, но почувствовал к ней симпатию как к товарищу по несчастью и всегда выказывал невестке свое особое расположение.

Уроженка южной Германии, принцесса со всей ответственностью отнеслась к переезду в огромную северную страну, которая должна была стать ее новой родиной. Когда она въезжала в Россию, у охраны были наготове ружья, чтобы отстреливаться от волков; в ридикюле у девушки лежала меховая маска, чтоб не обморозить лицо, в сундуках – русские платья, в одно из которых она намерена была переодеться, въехав в русскую столицу. Принцесса готова была научиться любить щи и кашу, а в снежные зимы поверх одеяла класть не плюмо (покрывало на пуху), а по русскому обычаю – теплый салоп.

Венчалась Мария Александровна в белом шелковом сарафане, на голове сиял драгоценными камнями русский кокошник.

Зимними ночами хрупкая дармштадтская принцесса любила кататься в карете в одном только домашнем платье, а вернувшись, залпом выпивала большой стакан ледяной сельтерской воды и принимала холодный душ в шкафу.

Мужа обожала до самоотречения. Если он с утра уезжал в Государственный совет и возвращался только вечером – обедать, она даже не завтракала без него и целый день ходила голодная. Ее лицо преображалось, когда раздавалось цоканье когтей по паркету: это впереди императора бежали две собаки – рыжая и черная... Не от этой ли любви ее желание быть близкой, русской, своей?

С тех пор как 5 декабря 1840 года перешла в православие, она «не только приняла внешнюю форму, но старалась вникнуть в правоту этой веры и постигнуть смысл слов, которые она читала всенародно перед дверьми церкви, в лоно которой она должна была вступить».

«После Екатерины II не было императрицы, столь глубоко изучившей нашу веру и народность. Она оставила крупный след, сильно отражавшийся на ее детях и придававший им то, чего не было во многих других семьях придворных... Отражение матери следует искать в детях... она воспитала “русское”, честное поколение».

«Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно дорогой милой Мама», – спустя много лет записывал в своем дневнике Александр III. Именно она воспитала сына глубоко верующим человеком с твердыми нравственными принципами.

Сестра ее мужа, великая княгиня Ольга Николаевна, вспоминала: «Ум, спокойная уверенность и скромность в том высоком положении, которое выпало на ее долю, вызывали всеобщее поклонение. Папа с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари владеть собой. Это, по его мнению, уравновешивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило. В самом деле, Мари оправдала все надежды, которые возлагал на нее Папа, главным образом потому, что никогда не уклонялась ни от каких трудностей и свои личные интересы ставила после интересов страны. Ее любовь к Саше носила отпечаток материнской любви, заботливой и покровительственной, в то время как Саша, как ребенок, относился к ней по-детски доверчиво. Он каялся перед нею в своих маленьких шалостях, в своих увлечениях – она принимала все с пониманием, без огорчения. Союз, соединяв-

ший их, был сильнее всякой чувственности. Их заботы о детях и их воспитании, вопросы государства, необходимость реформ, политика в отношении других стран поглощали их интересы. Они вместе читали все письма, которые приходили из России и из-за границы. Ее влияние на него было несомненно и благотворно. Саша отвечал всеми лучшими качествами своей натуры, всей привязанностью, на какую только был способен. Как возросла его популярность, благодаря Мари! Они умели не выпячивать свою личность и быть человечными, что редко встречается у правителей».

Все, кто знал царскую семью, обязательно отмечали, как проста Мария Александровна в обращении – признак высшего тона; как добра, и это качество сохранила до конца своих дней. О ее характере говорит небольшой эпизод: она назначила пожизненную пенсию камер-фрейлине, укравшей дорогое жемчужное ожерелье. Посочувствовала пылкой любви воровки к проигравшемуся врачу, для которого та пыталась достать деньги, продав жемчуг.

«Из всей императорской семьи, – вспоминал князь П.А. Кропоткин, – без сомнения, самой симпатичной была императрица Мария Александровна. Она отличалась искренностью, и когда говорила что-либо приятное кому-то, то чувствовала так... Она не была счастлива в семейной жизни. Не любили ее также придворные дамы, находившие ее слишком строгой: они не могли понять, отчего это Мария Александровна так близко к сердцу принимает “шалости” мужа. Теперь известно, что Мария Александровна далеко не последнее участие принимала в освобождении крестьян... Больше знали о деятельном участии Марии Александровны в учреждении женских гимназий. С самого начала, в 1859 году, они были устроены очень хорошо, с широкой программой в демократическом духе. Ее дружба с Ушинским спасла этого замечательного педагога от участи многих талантливых людей того времени – от ссылки».

Вместе с хирургом Пироговым она создала общество Красный Крест, которое живо до сих пор; занималась попечительством о народном образовании. Была и еще одна сторона деятельности, малоизвестная в русском обществе, – покровительство людям искусства. Любимым обществом Марии Александровны были (защищенные поэтому от произвола цензуры) князь Вяземский, Федор Тютчев, граф А. Толстой. Поэты сложили ей песнопение вроде гимна:

Встречай же в солнце и в лазури,
Царица, радостные дни.
И нас, певцов, в годину бури,
В своих молитвах помяни.

Александр II, воспитанник Жуковского, был сильным монархом, но слабым человеком. А.Ф. Тютчева¹, лицо, приближенное к императорской чете, писала: «Император – лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время... Но ему недоставало темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы. Они слишком добры, слишком чисты, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения... Сам того не ведая, император вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает».

¹ Анна Федоровна Тютчева (1829–1889), дочь знаменитого поэта от его второго брака с Э. Петерсон. В 1853 г. назначена фрейлиной цесаревны Марии Александровны. Некрасивая, но умная, наблюдательная и независимо мыслящая девушка, европейски образованная и в то же время русская патриотка, она стала любимой подругой цесаревны и воспитательницей ее детей. При дворе многие ее не терпели за прямолинейность и близость к славянофилам. В 1866 г. вышла замуж за И.С. Аксакова и на протяжении всей совместной жизни была его верным соратником и помощником. С 1853 по 1882 г. вела дневник, который впоследствии стал основой книги ее воспоминаний. В ней приводятся остроумные и меткие характеристики знаменитых деятелей эпохи.

И даже после всех реформ, осуществленных царем-Освободителем, Тютчева утверждала, что «этот император был как личность ниже своих дел». Зато, как выяснилось впоследствии, необходимой твердостью и устойчивостью природа сполна наградила его сына.

Получив от Николая I тяжелое наследство в виде Крымской войны, Александр II сначала решил бороться дальше, но скоро понял, что победа невозможна. Он сделал несколько попыток заключить мир без выплаты контрибуции и без территориальных уступок. Но тут нам повезло: на азиатском театре войны был взят Карс. Крепость возвратили туркам, а союзники оставили Севастополь. Черное море объявлялось нейтральным; все державы дали обязательство не вмешиваться в дела Турции.

13 февраля 1856 года в Париже начались переговоры, позволившие заключить не очень постыдный мир с Европой, утомленной русским упорством.

Но императору не было суждено насладиться спокойствием. Надо было думать о том, что теперь делать с Россией, потрясенной и разочарованной. Все передовые умы того времени ждали от монарха великих преобразований. Герцен писал ему из своего изгнания, Чернышевский высказывал надежды на скорое освобождение народа...

А Александру хотелось просто жить. Его 38 лет прошли в повиновении непреклонной воле любимого, но сурового отца. Теперь он наверстывал упущенное. Один роман сменялся у него другим, увлечение увлечением. Одно время казалось, что он захвачен серьезным чувством. Его избранницей стала Александра Сергеевна Долгорукая, девушка столь же замечательная своим умом, как и красотой. Считалось, она послужила для Тургенева прототипом героини его повести «Дым». В 60-х годах, в эпоху великих реформ, она играла большую роль в российском высшем свете. Ясность ее ума и твердость характера часто заставляли Александра II настойчиво следовать по избранному им пути решительных преобразований. Ее называли *La grande Mademoiselle*.

Внезапно по неизвестной причине эта связь оборвалась. Александра Сергеевна вышла замуж за старого генерала Альбединского, которого Александр II поспешил назначить варшавским губернатором.

За этим увлечением следовали новые, быстро сменяя одно другое. Замятина, Лабунская, Макова, Макарова, общедоступная петербургская лоретка Ванда Кароцци, наконец, позорная история с гимназисткой дочерью камер-лакея. О своих похождениях – шалостях – Александр рассказывал жене, уже вполне считая ее «своим парнем».

Но внешне все было достаточно благопристойно и, главное, не достигало внимания детей. Императорская семья не жила постоянно на одном месте. Царское Село, Петергоф, Павловск, куда императрица с императором отправлялись в английском экипаже послушать музыку в павильоне, – вот ближняя география поездок семьи. Государь сам правил лошадьми. Ездили в Гатчину, в Александрию, летом в Ливадию, в Крым. Еще был Монплеизир, маленький дворец на берегу Финского залива: семья распивала чай из самовара, а с моря неслись русские песни – это кадеты в шляпках проплывали совсем близко; дамы вышивали, кто-нибудь читал вслух.

Каждый год императрица путешествовала за границу для поправки здоровья: Франция, Италия, Сирия, лучшие курорты Европы, Африка, Палестина, Иерусалим...

На Пасху Мария Александровна выходила в парадную залу в белом чепце, в кашемировом капоте с бриллиантовой брошью на груди и с корзиной, полной фарфоровых яиц. Государь позволял целовать себя в щеки, но яиц не дарил, только изредка доставал из корзины красное мраморное и подавал бледной красивой рукой в знак особого расположения.

Ливадийское имение в Крыму Александр II приобрел по совету врачей для своей жены, когда выяснилось, что у нее слабые легкие. Проектировалось оно для семейного отдыха, поэтому дети чувствовали себя там особенно счастливыми, свободными от дворцового этикета. Государь в белом кителе вместе с императрицей в широкополой ажурной шляпе садились в «плетенный из соломы фаэтон» и чаще всего вдвоем, как простые туристы, предпринимали

поездки по ближайшим живописным местностям. «Ливадия с каждым днем становится все красивее и цветистее, не только Южный берег, но и весь Крым, все Черное море смотрит на государя с любовью и надеждой», – писали газеты тех времен.

Мария Александровна часто бывала и в других местах южного Крыма. Особенно любила она массандровское имение Воронцовых, где смолистый запах черной сосны, горный воздух и близость моря снимали у нее приступы удушья. По сохранившимся в Крыму воспоминаниям, Воронцовы специально для императрицы обустроили часть леса, которая стала называться «Парком императрицы Марии Александровны». Впоследствии Александр III приобрел это имение у наследников Воронцовых для больного скоротечной чахоткой сына Георгия.

Императрица выглядела очень молодо и даже в 40 лет казалась 30-летней. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такой худенькой и хрупкой, что не производила на первый взгляд впечатления красавицы. Действительно, Мария Александровна красавицей не была. На портретах, будучи молодой цесаревной, она очень привлекательна, но с возрастом прелесть исчезает, появляются сухость и какая-то зажатость. Это впечатление совпадает с описанием, оставленным А.Ф. Тютчевой: «...Она не красавица – слишком для этого высока и худощава... исключительно элегантна, точь-в-точь фигура немки со старинной гравюры... Волосы, нежная кожа, большие голубые глаза великолепны... черты лица не классические, профиль и нос – тоже. Выражение лица невозмутимо-спокойное – ни восторга, ни возмущения не прочесть. Улыбка несколько иронична, контрастная наивному выражению глаз... редко можно встретить лицо, на котором столь отражались бы контрасты и нюансы, свидетельствующие об очень закомплексованном “я”».

Николай и Александр

Какая бы идеальная возвышенная любовь не связывала коронованных супругов, цель этой любви была прагматична – обеспечение престолонаследия. А долг жены, не важно, любимой или не очень, – рождение многочисленных детей. Сыновья обеспечивали преемственность рода, дочери – династические связи с другими правящими домами.

Мария Александровна не обманула надежд царской фамилии, она дала России восемь великих князей и княжон: дочерей Александру, умершую в семилетнем возрасте, и Марию, и шестерых сыновей: Николая, Александра, Владимира, Алексея, в 1857 году родился сын Сергей, в 1860-м – Павел. Трон был укреплен достаточно, и 35-летняя императрица получила возможность перестать работать детородной машиной. Нельзя сказать, что это ее особенно огорчило. И после 1860 года все оставалось как прежде: муж нуждался в ее советах, всегда был почтителен и предупредителен. Теперь она всецело отдалась другому, не менее ответственному делу – воспитанию детей.

Братьев отнюдь не баловали. Широко известна крылатая фраза Николая I, обращенная к своим сыновьям: «Всегда ведите себя так, чтобы окружающие прощали вам, что вы родились великими князьями». В этом духе он воспитывал своих детей, так же воспитывались сыновья его наследника.

«Сегодня утром я была у императрицы, – писала в 1855 году А.Ф. Тютчева. – К ней вошли четыре ее сына, все крупные, красивые, хорошо сложенные мальчики, смотреть на которых доставляло удовольствие. Императрица спросила у них отчет об их уроках, младший сознался, что плохо учился. Императрица очень строго посмотрела на него и сказала: “Это меня очень огорчает”. Ребенок, которому всего пять лет, опустил голову, и на глазах его выступили слезы. В обращении императрицы с ее детьми есть что-то серьезное и проникновенное, один ее взгляд, кроткий и серьезный, заставляет их задуматься».

Императрица много времени отдавала детям, и они ее обожали.

Но самое большое внимание Мария Александровна уделяла воспитанию старшего сына. Наследник российского престола должен был во всем соответствовать своему высокому предназначению.

В условиях абсолютной, самодержавной монархии огромную роль приобретает личность царствующего правителя. Но правящие российские императоры XIX века стремились воспитывать наследников так, чтобы индивидуальные особенности их личности уже не имели такого определяющего значения, как в предыдущие царствования. Принимая присягу на верность Отечеству, престолонаследники становились теми, кто нужен державе на престоле. Они умели подчинять и подчиняли свои личные желания тому высокому званию, которое возложила на них судьба. И тогда личностные интересы и пристрастия, их собственные увлечения и заботы становились несущественными по сравнению с благом своей страны.

Это умение вырабатывалось направленным воспитанием, делавшим их способными не только исполнять будущие обязанности, но и готовыми к самопожертвованию. Однако речь не шла ни о каком стирании личности, нивелировке неповторимого индивидуального облика.

Будучи высокообразованными и чрезвычайно дисциплинированными, Романовы XVIII–XIX веков, восходя на престол, лично для себя не получали никаких дополнительных прав, а, наоборот, теряли возможность совершать эмоционально обусловленные поступки, принимая обязательство осуществлять монархическую власть, равно безличную и к окружающим, и к себе самому.

Все три старших брата – великих князя – неукоснительно воспитывались в этих принципах.

Для понимания характера цесаревича, наверное, важно вспомнить трагическое событие – кончину деда императора Николая I. Чувствуя приближение смерти, он приказал одеть себя в мундир и привести своего старшего внука Николая Александровича. «Испуганный двенадцатилетний мальчик опустился на колени перед кроватью грозного деда, чтобы выслушать краткую сентенцию из двух слов: “Учись умирать!”» Кто мог подумать, что эти слова окажутся пророческими!

Николай, которого в семье по-домашнему называли Никса, оставался кумиром императрицы и любимцем отца. С малолетства он усвоил, что ему предстоит управлять Россией, и только вера и образование сделают его достойным правителем. Он был способный юноша и отлично учился, с охотой впитывая разнообразные знания. Каждый день к нему приходили учителя – знаменитые в своей области профессора университета. Как положено будущему монарху, он обучался военному делу, занимался спортом, верховой ездой и фехтованием, присутствовал на заседаниях Государственного совета.

Судьба наградила его счастливой внешностью: он был высок, строен и хорошо сложен. Его черты очень напоминали императрицу, но в улучшенном, мужественном варианте. Четкая лепка лица, прямой «романовский» нос, более волевой, чем у отца, подбородок, красиво очерченный рот – таким он выглядит на портрете С. Зорянко. Особенно впечатляли большие голубые с поволокою глаза под высокими дугами бровей.

Описывая в своих мемуарах многочисленные придворные вечера, граф С.Д. Шереметев, товарищ старших великих князей, никогда не забывал подчеркнуть очарование наследника: «Внимание сосредоточено на Цесаревиче, который оживленно танцевал, любезно разговаривал, казался стройным и изящным. Он был предупредителен и вежлив, но сдержан и общее впечатление оставлял самое приличное. Во всей его внешности было что-то обаятельное, хотя и уклончивое».

На фоне блистательного старшего брата второй царевич, Александр, совершенно терялся. Застенчивый, неуверенный в себе мальчик, стесняющийся своей громоздкости, своих больших рук и ног, конфузился и дичился. Третий сын императора, Владимир, по-домашнему Боба, на два года младше Александра, отличался живостью, ласкательством к родителям, умением нравиться окружающим и глубоким осознанием высоты своего положения. Он рано стал задумываться о том, что стоит третьим в ряду наследников престола, и это его, с одной стороны, глубоко удручало, а с другой – вселяло определенные надежды. Недаром в детстве, поссорившись со старшим братом, он кричал, что, если тот умрет, императором станет он, Боба. Конечно, это была детская глупость, но из нее впоследствии выросло мировоззрение.

Боба подчеркивал свое превосходство над неуклюжим Александром и дразнил его то mopсом, то бычком, то бульдожкой. Может быть, именно под влиянием подначек и насмешек Владимира в Александре и развилась эта неуместная для его происхождения и положения застенчивость. «Удивительным в этом молодом человеке, который на голову возвышался над всеми окружающими, был недостаток уверенности в себе», – вспоминал современник. Но почти все мемуаристы отмечали его исключительную привязанность к старшему брату – ни тени соперничества, зависти, полное и безоговорочное признание его превосходства.

Жизненная стезя великого князя Александра была определена на много лет вперед: образование, военная служба, высокие административные должности – и все это, как он любил, без спешки, спокойно и привольно.

Дети Александра II были очень дружны. Отношения исключительной привязанности сложились у Александра и Алексея, который всегда поддерживал брата в их детских спорах. Когда однажды, что случалось редко, поссорились Николай и Александр, «Алексей стал кричать наследнику: “Ты глуп и просто глуп!”», возникла драка, которую пришлось разнимать нянькам, и наследник удалился, сильно обиженный недостаточным доверием братьев к его способностям», – вспоминает Тютчева.

Почему-то принято считать Александра III малообразованным, только что не неграмотным, туповатым и косным. Действительно, при внешности русского добра молодца в нем не было лощености, импозантности, умения «подать себя», в том числе и в учебе. Но на самом деле, обучаясь вместе с цесаревичем, образование он получил весьма основательное. Среди его учителей мы находим выдающихся русских ученых и мыслителей своего времени.

Это, прежде всего, воспитатель Саши генерал-адъютант Б.А. Перовский, ранее возглавлявший Корпус инженеров путей сообщения, строгий, но добрый человек, много сделавший для систематического обучения своего воспитанника. Благодаря его отчетам мы можем сейчас представить себе маленького Сашу: «...Он старается и готовит свои уроки по своему разумению совестливо. Но он не по летам ребенок; заслужив дурную отметку там, где он ожидал лучшего, он расстроен на весь день, и последующие уроки, даже те, которые были приготовлены очень порядочно, выходят от его малодушия дурными. Ал. Ал. чувствителен как нельзя более к ласковому слову или выговору, когда он этого заслуживает, и я уверен, что несколько слов, написанных ему иногда Вашим Императорским Величеством или императрицей, заключающих в себе упрек за то, что Вы не всегда получаете о нем вести утешительные, и вместе с тем ласковое слово для его ободрения, имело бы на него самое благотворное влияние».

Большого Перовский, человек близкий к императорской фамилии², позволить себе не мог. Но между строк ясно просматривается призыв к родителям: любите, ну пожалуйста, любите своего сына!

Другими учителями тоже были люди неординарные. Создатель русской классической орфографии, академик Я.К. Грот, с 1853 года обучавший обоих братьев русскому и немецкому языкам, истории и географии; однокашник Пушкина, директор Публичной библиотеки в Петербурге барон М.А. Корф; капитан М.И. Драгомилов, будущий знаменитый генерал, преподававший великим князьям тактику и военную историю; экономист, профессор Московского университета А.И. Чивилев, любивший повторять: «Наука научает нас, как служить верой и правдой Отечеству и отцу его – Царю».

Никса был книгочей и эрудит, Саша, уверовав в преимущества, которые дает хорошо натренированное послушное тело, занимал первое место в военных упражнениях и гимнастике.

Его воспитание, военное в большей степени, чем у брата, было обычным для младших сыновей и великих князей семьи Романовых.

Такие разные, братья были неразлучны. Вечерами они забирались с ногами в большое кресло и, накрывшись пледом, воображали себя полководцами в походном шатре, разговаривали обо всем на свете, строили планы на будущее. Но, как известно, будущее любит помянуть и обмануть...

Великим князьям было предписано систематизировать свои впечатления и размышления, подводя итог каждому дню. В 12 лет Александр тоже начал вести дневник, в который заносил впечатления о времяпрепровождении, путешествиях, своих учебных занятиях. Тексты довольно безличны – простое перечисление лиц и событий, эмоционально никак не окрашенное. Но по мере взросления подростка дневник становился другом, с которым он делился переживаниями, которому мог раскрыть сердце, куда заносились особенно понравившиеся стихи.

8 сентября 1859 года, в день своего 16-летия, Николай принес присягу на верность отцу-императору. С этого дня кончилось его детство. Он еще продолжал учиться, но у него уже появились личный секретарь и рабочий кабинет, куда младшим братьям запрещалось заходить без разрешения наследника. Родители и двор осознанно проводили незримую границу между будущим монархом и его братьями-подданными.

² Б.А. Перовский был незаконнорожденным сыном А.К. Разумовского.

После торжественной присяги был устроен большой дипломатический прием, на котором будущему императору России представлялись послы иностранных держав. Правительства европейских государств с нетерпением ожидали отчета своих проникательных дипломатов о достоинствах, предпочтениях и слабостях наследника. Все депеши отмечали воспитанность, доброжелательность и обходительность Николая, его мягкое остроумие и учтивость. Никакого намека на «железную руку» его деда, Николая I; таким государем легко можно будет вертеть при решении международных вопросов.

К этому времени относится странный эпизод, который в дальнейшем называли пророческим.

Однажды, будучи в Москве, престолонаследник Николай вместе с братом Александром должны были заехать за благословением в монастырь. Так получилось, что Александр приехал раньше цесаревича, и настоятель благословил его иконой, которой должен был благословить наследника престола.

Но в то время никто не придавал происшествию никакого значения.

Как-то раз на скачках в Царском Селе лошадь Никсы споткнулась и сбросила седока. Родители и врачи всполошились, но, казалось, все обошлось без последствий: мальчик ушибся, несколько дней, маясь, провел в постели, потом поправился. Этот досадный случай скоро забылся.

Во время поединка по классической борьбе с кузеном герцогом Николаем Лейхтенбергским цесаревич упал и ударился так сильно, что некоторое время не мог двигаться. Но все закончилось благополучно.

Братья-царевичи были современниками и очевидцами великих реформ, проводимых их отцом, императором Александром II, и начала медленного превращения огромной неповоротливой средневековой страны в мощную современную державу.

Отмена векового рабства – крепостного права – 1861 год; в следующем году отменены грубые и унижительные телесные наказания. В 1863–1864 годах осуществлены университетская, земская и судебная реформы. Проведение преобразований, столь значимых для страны, не остановило даже Польское восстание, подавленное с небывалой жестокостью и вызвавшее в Европе сочувствие к многострадаальной Полонии.

Европа с опаской наблюдала за укреплением на своих восточных окраинах могучего Российского государства. В 1864 году, к великому разочарованию Англии, была завершена Кавказская война, а еще раньше к России были присоединены Амурский край и Приморье.

Даже если бы юным великим князьям не объясняли значения для судьбы страны всех этих свершений – а им это, безусловно, разъясняли – обсуждение событий в кругу придворных и императорской семьи не могло не произвести сильное впечатление и не возбудить чувство гордости за свою страну и своей причастности к мировой истории.

По странному парадоксу в деле национального раскрепощения главной помощницей царя была княгиня Елена Павловна, немка, урожденная принцесса Каролина Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича. Обладая характером решительным, увлекающимся иллюзиями и не склонным считаться с препятствиями, она в своем салоне собирала поборников либеральной программы и воодушевляла их своей энергией. Одно время Александр II находился под сильным влиянием решительной тетушки.

Между тем великие князья росли, у них появились сердечные склонности и увлечения. Наследник увлекся Екатериной Ольденбургской, очаровательной молодой девушкой, внучкой великой княгини Екатерины Павловны, любимой сестры Александра I. Императрица даже просила ее матушку отдать ей девушку для воспитания, чтобы та полюбила православную веру и осознала свой долг перед страной. Но мать претендентки, Тереза Нассауская, с возмущением отказала. «Какие-то старые счеты между Нассау и Дармштадтом», – грустно констатировал С. Шереметев, сам тайно влюбленный в красавицу. Должно быть, со стороны родителей жениха

просто не достало доброй воли – они желали для своего первенца брака гораздо более блестящего. Мария Александровна, несмотря на то что ее собственное происхождение нельзя было назвать безупречным, в жены любимому сыну хотела не меньше чем дочь короля.

На долю Николая выпадала неприятная задача объяснить Екатерине, что они не будут вместе, но она всегда может рассчитывать на его вечную дружбу.

Сердце Александра было пока свободно, а вопрос о его браке вовсе не обсуждался. Он жил в тени старшего брата-престолонаследника, лишенный не только внимания двора, но, как ему казалось (и не только ему), внимания своих родителей. Оба изящные, утонченные люди, нервные натуры, недоумевали, как у них могло появиться такое неуклюжее, неэлегантное дитя – настоящий кукушонок. Должно быть, облик второго сына навевал и неприятные воспоминания о деде, богатыре-гоф-курьере. «Это Геракл нашей семьи», – с добродушной иронией говорили о нем родные. Отношение родителей больно ранило Сашу – сам он крепко любил Мама и Папа. Зато старший брат с проницательностью тех, кому суждено рано уйти из этого мира, ценил его чрезвычайно высоко, часто повторяя: «Чистая, правдивая, хрустальная душа»; «В нас всех есть что-то лисье, Александр один вполне правилен душой».

В 1863 году Александр и Николай ненадолго расстались: наследник предпринял традиционное путешествие по России.

Первая любовь (Мария Мещерская)

Александр болезненно переносил разлуку со старшим братом. Но природа не терпит пустоты. В свите императрицы Александр весной 1864 года увидел Марию Мещерскую – и пропал.

Мария принадлежала к старинному роду князей Мещерских. Отцом ее был дипломат и литератор Элим Петрович Мещерский, матерью – Варвара Степановна Жихарева. Элим Петрович выделялся европейской образованностью, благородством, живостью и непосредственностью характера. Эти качества и еще, конечно, любовь и привели его к женитьбе на бесприданнице, дочери довольно известного писателя С. Жихарева из старого, но захиревшего рода Нечаевых. Варвара Степановна отличалась особенной нервностью натуры, что нередко приводило к различным осложнениям. Одним из них стало неумение понравиться матушке князя, Екатерине Ивановне, урожденной Чернышевой, резко выступавшей против этого неравного брака.

Бедные, но гордые супруги зажили самостоятельно, однако идиллия продлилась не слишком долго: глава семейства умер, когда их маленькой дочери не исполнилось и года, не оставив жене сколько-нибудь существенного состояния. Таким образом, его выдающаяся личность не оказала заметного влияния на формирование и развитие Марии.

Ее мать, красивая молодая женщина, не имела собственных средств и вынуждена была обращаться за помощью к свекрови, характерной и своенравной даме, не жаловавшей невестку. Девочка то жила у матери, обвинявшей бабушку в жадности и злом сердце, то у той самой бабушки, осуждавшей мать за вздорность, неумение устроиться в жизни и многие другие провинности. Приходилось учиться скрывать свои чувства и лавировать.

Марии было 15 лет, когда умерла Варвара Степановна. Девочка осталась круглой сиротой. Бабушка перевезла ее в Ниццу и передала под покровительство императрицы Александры Федоровны. Сиротская доля нелегка, даже если тебе покровительствует императрица. Девочка нередко была предоставлена самой себе, часто болела, у нее сформировался довольно сложный, скрытный характер. Она понимала, что рассчитывать ей приходится только на себя – свой ум, такт, красоту, воспитание. Может быть, уязвленная так несчастливо сложившейся судьбой, она мечтала, когда вырастет, показать всем, что такое на самом деле Мария Мещерская. Она прилежно училась, свободно владела французским и английским языками, которые в международной среде давались ей легко, много читала, интересовалась музыкальными новинками и живописью.

Едва вступив в пору девичества, она уже приобрела репутацию скромницы и умницы и вместе с тем отчаянной кокетки и «пожирательницы сердец».

В 18 лет ее перевезли в Петербург к другой родственнице, близкой к царской семье княгине Барятинской. От этой перемены положение девушки не улучшилось. «Нельзя сказать, – писал Шереметев, – что княгиня Барятинская ее баловала. Напротив того, она скорее держала ее в черном теле. Она занимала в доме последнее место, и мне, как дежурному и младшему из гостей, когда приходилось обедать у полкового командира, не раз доставалось идти к столу в паре с княжной Мещерской и сидеть около нее». Шереметев отмечает, что она была скромна и хороша собой. «Красивое, словно выточенное лицо с глубоким выражением глаз, в ней было что-то загадочное, она была молчалива и на меня смотрела несколько свысока... У нее был один недостаток: она была несколько мала ростом для такого правильного лица».

Среди богатых барынь столичного бомонда считалось хорошим тоном держать у себя дома своеобразную клиентуру: бедных родственников, сироток, воспитанниц, незаконных дочерей мужской части фамилии. Подбирать им партии или как-то иначе пристраивать, оставаясь всю жизнь благодетельницей и находясь в центре их дел и интересов, было занимательнее, чем

раскладывать пасьянсы, хотя чем-то и напоминало карточную игру. Среди «благотельниц» существовало своего рода соревнование, чья протее окажется удачнее «пристроенной».

От происхождения, характера и внешности девушки зависело, как ее «пристроят». По своей знатности, воспитанию и красоте Мария могла претендовать на приличное положение, но бедность была недостатком, который перечеркивал все.

Княгиня Барятинская ввела княжну в придворные круги. Девушку представили императрице Марии Александровне, и та согласилась принять ее фрейлиной – «дать ей фрейлинский шифр», свой украшенный бриллиантами вензель.

Основным преимуществом должности фрейлины – незамужней девушки благородного происхождения – была возможность выйти замуж, так как именно при дворе можно было «сделать партию»: найти наиболее выгодного, богатого и знатного жениха.

Фрейлины составляли свиту царицы, они посменно дежурили при императрице, круглосуточно обретаясь вокруг и исполняя то или иное поручение своей госпожи. По вечерам они собирались в салоне Марии Александровны, куда приходили ее навестить сыновья со своими знатными товарищами, светские дамы, сановники, люди искусства и другие значительные персоны. Хорошенькие свежие лица делали салон императрицы притягательными для мужской половины двора. Императрица вела интеллектуальные беседы со своими поэтами, гости постарше перебрасывались в карты, молодежь играла в фанты или во «флирт».

Постепенно сложилась компания во главе с наследником Николаем. В нее входили три его брата и несколько товарищей – великих князей: граф Илларион Воронцов-Дашков, князь Владимир Барятинский, Николай Лейхтенбергский. Женскую часть этой «веселой банды» составляли Мария Мещерская и ее подруга Александра Жуковская.

Великий князь Александр скоро стал выделять в компании Мещерскую, девушку годом старше его, небольшого роста, изящную, с прекрасными темными глазами и волосами. Он чувствовал необычно сильное влечение к Марии, но поначалу не понимал природы своих чувств. «Сидел, как обыкновенно, возле моего милого друга, потому что большего я и не желаю, как быть ее другом», – поверял он дневнику.

Но Мещерская желала большего.

Шереметев вспоминал: «Заметив, что нравится наследнику, она и сама взглянула на него новыми глазами. А он был хорош в двадцать лет: светлоглазый, высокий (193 см!), статный, с правильными чертами лица, густыми русыми волосами и сильными руками – настоящий русский богатырь». Теперь молодые люди стремились постоянно находиться рядом, искали предлоги, чтобы случайно увидиться, Александр выбирал княжну в танцах. Он умел, но не любил танцевать, считая себя недостаточно ловким и прямо неуклюжим. Какова же была сила его чувства, раз он превозмогал себя только для того, чтобы почувствовать в своей ладони маленькую ручку Мари, ощутить тонкий аромат ее волос, заглянуть в темные глаза...

Месяцы, когда Никса путешествовал по России и за границей, прошли у его брата под знаком Марии.

Она постоянно как бы ненароком оказывалась на пути Александра. Эти встречи всегда были так приятны: они гуляли вместе, много разговаривали, смеялись по пустякам. Но никогда они не оставались одни – с ними всегда, как дуэнья, находилась Александра Жуковская³.

Когда Марии не было рядом, Александр беседовал о ней с ее дальним родственником князем Владимиром Мещерским. Но надо признать, что князь вовсе не навязывал ему свою дальнюю кузину, а даже отговаривал от этого увлечения.

³ Через несколько лет Александра Жуковская сочетается морганатическим браком с великим князем Алексеем Александровичем, младше ее на семь лет, и родит сына, который будет очень похож на отца и получит имя Алексей Белёвский (город Белёв – родина В.А. Жуковского). Произойдет громкий скандал, брак будет признан недействительным, и дочь В.А. Жуковского навсегда уедет из России.

Наблюдательный взгляд света тотчас отметил это сближение; пошли толки. Наперсница Марии, Александра Жуковская, объяснила цесаревичу, что Мари очень расстроена сплетнями и больше не будет садиться с ним рядом. Александр был вне себя от возмущения: «Начались сплетни. Проклятый свет не может оставить меня в покое. Даже из таких пустяков поднимают истории. Черт бы всех этих дураков побрал!!! Даже невинные удовольствия непозволительны; где же жизнь, когда даже повеселиться нельзя. Сами делают черт знает что, а другим не позволяют даже видаться, двух слов сказать, сидеть рядом. Где же после этого справедливость!»

Толки вынуждали Александра не так открыто проявлять свою заинтересованность Мещерской, но препятствия усиливали чувство симпатии сначала до влюбленности, потом любви.

Ему иногда удавалось встретить Мари в опере: оба любили музыку и не пропускали новинок. Настоящим событием стала премьера «Рогнеды» Серова. Они оба, хоть и порознь, слушали эту оперу. И – какое совпадение! – обоим больше всего понравились хоровые номера. В молодости такие незначительные созвучия чувств кажутся судьбоносными.

Среди этой идиллии как гром среди ясного неба прозвучали известие о болезни цесаревича и требование приехать для прощания с ним в Италию.

Смерть наследника

Целью вояжа Николая Александровича было знакомство с будущими владениями, осознание громадности русской земли и демонстрация нового повелителя подданным. Профессор Б.Н. Чичерин, сопровождавший цесаревича, вспоминал: «Мы путешествовали как кружок друзей разных возрастов, различных положений, но все сведенные одним чувством и общими стремлениями. Центром этого маленького мира был прелестный юноша с образованным умом, с горячим и любящим сердцем, веселый, приветливый, обходительный, принимающий во всем живое участие, распространяющий какое-то светлое и отрадное чувство».

Все видевшие наследника разделяли восхищение его приближенных, на всех он сумел произвести самое благоприятное впечатление.

Н.А. Бердяев был убежден: «Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея Царя. Царь был духовной скрепкой русского народа, он органически вошел в его религиозное воспитание». Теперь народ с верой и надеждой смотрел в будущее: корона имела достойного наследника.

Впрочем, несмотря на славословия, по-видимому, вполне искренние, в них иногда проскальзывала какая-то щемящая нота. «Как он прекрасен! Какой симпатичный голос! Какая умная и скромная приветливость! – писал в своем дневнике встречавший цесаревича на земле Войска Донского атаман донцов генерал Граббе. – Любуясь им, прилетела ко мне мысль, какие судьбы готовит Провидение созданию, украшенному лучшими его дарами, и к приятным вообще впечатлениям примешалось как будто что-то, похожее на сострадание».

Николаю эта поездка тоже дала очень многое. Он увидел, как огромна и разнообразна страна, управлять которой ему суждено впоследствии.

Воспитание будущего монарха не ограничивалось знакомством только с собственной страной. В июне 1864 года император отправил сына свет посмотреть и себя показать за границу. Остались свидетельства современников о том, что в заграничное путешествие наследник отправлялся, не проявляя большого энтузиазма. Может быть, он чувствовал себя не совсем здоровым и уже утомленным масштабным путешествием по России, но долг – прежде всего.

Берлин, Киссинген, Франкфурт-на-Майне, Ганновер, Швальбах, Эйзенах, Веймар – вся Германия прошла перед глазами Николая Александровича. Вероятно, при дворах небольших немецких княжеств ему было предписано выбрать себе подругу жизни, но его взгляд ни на ком не остановился. А затем Голландия, где помимо достижения познавательных и представительских целей следовало укрепить здоровье купаньем в ледяных волнах Северного моря. Такую бодрящую процедуру прописали цесаревичу врачи, но, по впечатлениям очевидцев, она не принесла ему пользы.

Европу сотрясала Датско-Прусская война: агрессивные тевтоны хотели отнять у миролюбивой маленькой скандинавской страны ее богатые провинции. Заключение перемирия между Пруссией и Данией сделало возможным посещение цесаревичем Копенгагена, ранее не включенного в маршрут путешествия.

Летом 1864 года Николай послал к своим родным, находившимся в то время в Дармштадте, на родине императрицы, свитского офицера В.А. Барятинского с известием о том, что намерен сделать предложение принцессе Дагмар Датской. Согласие родителей было получено, и 20 сентября торжественно отпраздновано обручение. Датский дом превзошел себя в пышности праздников по этому радостному случаю. Столы ломились от угощений, вино лилось рекой. Один старый морской волк, преисполненный самых добрых побуждений, вдруг заявил, что шампанское горькое. Датчане, не знакомые с российскими обычаями, пришли в замешательство и даже проявили некоторое недовольство – ведь русским гостям было предложено самое

лучшее. Пришлось объяснять, что вино считается горьким до тех пор, пока жених не поцелует невесту. Чтобы сгладить недоразумение, обрученные долго и с удовольствием целовались.

Жители Петербурга были извещены об обручении наследника 101 пушечным залпом.

Все почти как в сказке: юный принц и прекрасная принцесса полюбили друг друга, он увез ее в свою сказочную страну, где они жили долго и счастливо и умерли в один день. Кто мог предположить, что влюбленным было отпущено только десять дней счастья, что жених всего лишь через шесть месяцев будет мертв, а невеста-вдова станет женой его брата. Много лет спустя, изгнанная своей новой родиной, убившей ее детей, она вернется в маленькую Данию, чтобы умереть здесь одинокой вдовой в возрасте 82 лет.

Пока же цесаревичу надлежало продолжить свою образовательную поездку. На этот раз его ждала Италия. Нюрнберг, Штутгарт, Тироль – и, наконец, Венеция. Сказочный город сонных каналов, старинных дворцов и нежных баркаролл, казалось, должен был оказаться особенно созвучным чувствам великого князя. Однако именно здесь он ощутил столь сильный упадок сил, что венецианские красоты оставили его равнодушным. А впереди еще Милан, Турин, Генуя и, наконец, Ницца, где Николай должен был встретиться с матерью-императрицей и отдохнуть. По-видимому, заботы матушки оказали благотворное влияние на здоровье и настроение наследника. В это время записи в его дневнике полны благодарности Создателю за встречу с Дагмар, за счастье любить и быть любимым; он строит надежды на будущее, верит, что у него вся жизнь впереди и все будет замечательно хорошо.

Но хорошо не стало.

Несколько зимних месяцев врачи не могли установить причину его болезни, поставить диагноз и, что называется, «залечили» пациента. В первые дни апреля положение наследника было признано безнадежным. В России известия о болезни цесаревича вызвали большое волнение во всех слоях общества. Александр сразу понял, что болезнь брата очень серьезна. «Я прекрасно вижу, – сказал он пытавшемуся утешить его придворному, – что надежды нет никакой. Все так за мной ухаживают».

Больной постоянно вспоминал брата Сашу, и 4 апреля тот был вызван в Ниццу. Вокруг умирающего собралась вся семья. Королева Луиза привезла принцессу Дагмар. В ночь с 11 на 12 апреля цесаревич Николай Александрович скончался.

Пасторальная версия истории утверждает, что умирающего цесаревича больше всего занимало, кого же он больше любит: брата Сашу или невесту Дагмар? В последние минуты жизни он нашел разрешение своим сомнениям – соединил руки брата и своей невесты.

В перспективе дальнейших событий это объяснение нашло свое место.

Но так ли было на самом деле? Больного мучили непереносимые боли в спине, раскалывалась голова, изводила рвота и множество других мучительных проявлений болезни, о которых не хочется говорить применительно к 22-летнему страдальцу. Это вовсе не умирительное тихое угасание – как будто погружение в приятный сон – в полном сознании на душистом белье среди роз и лилий. До устройства ли счастья тех, кто оставался жить, было несчастному умирающему? С другой стороны, чувство долга, присущее цесаревичу, могло подвигнуть его, презрев телесную немощь, вручить девушку, за судьбу которой он считал себя ответственным, любимому брату, призванному занять его место. Должно быть, действовала установка, полученная от деда десять лет назад: «Учись умирать!»

Очевидно одно – в своем дневнике Александр никогда не ссылался на предсмертную волю брата. Из мемуаров современников также не следует, что император и императрица когда-либо упоминали об этом пожелании покойного.

Однако официальная история утверждает: Александр женился на обрученной невесте Николая как завещал брат.

Несмотря на охватившее всех отчаяние, император должен был думать не только о близких, но и о своей стране. 12 апреля, когда еще не успело остыть тело его старшего сына, Алек-

сандр II приказал обнародовать манифест о провозглашении цесаревичем Александра Александровича.

Императорская фамилия вместе с принцессой Дагмар отправились в Дармштадт. Там в замке Югенгейм они некоторое время пытались прийти в себя после понесенной утраты. По-видимому, обеими семьями там и было решено, что Александр женится на Дагмар, но новому престолонаследнику не было заявлено об этом в решительной форме.

Гроб с телом цесаревича отплыл на фрегате «Александр Невский». Через месяц его пронесли по улицам Петербурга, по набережной Невы. А у окна стояла Екатерина Ольдебургская, которая не захотела жить без любимого и вскоре последовала за ним. Правда, она уже давно страдала чахоткой, но кончину ее ускорило горестное событие.

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной светла...
Как сердце мое разрывалось!

Мало кто сейчас знает, что эти слова известного романа посвящены ей.

Николай Александрович был похоронен в усыпальнице Петропавловского собора, рядом с другими почившими представителями династии.

Александрю едва минуло 20 лет, когда смерть старшего брата сделала его престолонаследником. У него было почти два десятилетия, чтобы подготовиться к нелегкому бременю – своему будущему царствованию.

Часть вторая. Престолонаследник **(13.04.1865—01.03.1881)**

Тайна датского брака

Признание Александра престолонаследником вовсе не было безоговорочным и единодушным. Проснулись надежды младших братьев императора: Константина и Николая. Последний рассказывал всем и каждому, что Александр совершенно не подготовлен к правлению, почти неграмотен и туп от природы. Вдова великого князя Михаила Павловича Елена Павловна, Эгерия императора, громко требовала, чтобы наследником назначили третьего царевича, Владимира Александровича, хотя и не блиставшего умом, но обаятельного и жизнерадостного. Некоторые из бывших учителей Александра утверждали, что он не способен править; доверить ему державу – катастрофа. Граф Валуев был убежден, что туповатого Александра нельзя рассматривать в качестве престолонаследника. Даже мать, императрица, оценивала способности и характер своего второго сына чрезвычайно низко.

В такой обстановке Александр II нашел в себе силы настоять на соблюдении принятых в российском царствующем доме правил престолонаследия.

20 июля 1865 года цесаревич Александр Александрович принес присягу императору. «...Я молился, сколько мог, страшно было выходить посреди церкви, чтобы читать присягу. Я ничего не видел и не слышал; прочел, кажется, недурно, хотя немного скоро», – поверял цесаревич своему дневнику.

Когда-то Александр с энтузиазмом присоединялся к школярам, громко и радостно распевавшим известную выпускную песню:

Прощайте, все учителя,
Предметы общей нашей скуки,
Уж не заставьте меня
Приняться снова за науки!

Теперь «приняться снова за науки» заставила его сама судьба. Как человек исключительно добросовестный, он посчитал своим долгом овладеть всеми знаниями, необходимыми для управления империей.

Знаменитый историк С.М. Соловьев, и до того занимавшийся со старшими великими князьями, прочел Александру углубленный курс русской истории. К.Н. Бестужев-Рюмин расцвел свежими впечатлениями своего ученика яркими психологическими портретами исторических деятелей дней минувших. Курс русской словесности цесаревичу преподавал знаменитый Ф.И. Буслаев, видевший в языке отражение всей духовной жизни человека. Блестящий цивилист К.П. Победоносцев раскрыл наследнику всю силу законов, приобщил к славянофильству и сумел стать «властителем его дум». Последний и в будущем имел исключительное влияние на своего воспитанника.

Александр прослушал курсы политических наук и правоведения в университетском объеме, что позволило ему не выглядеть одиозно в роли канцлера гельсингфорского университета. Впоследствии он углубил свои знания в области государственного права под руководством Г. Пискарева. Большое внимание цесаревич уделял изучению экономики и статистики, понимая, что эти знания необходимы правителю такой огромной страны, как Россия. Хорошая военная подготовка соответствовала программе академии генерального штаба и делала его професси-

оналом, когда он занимал различные армейские должности: от командира полка до атамана казачьих войск и командующего петербургским военным округом.

И конечно, Александр продолжал заниматься иностранными языками. Немецкий, французский, английский – на этих языках он говорил практически свободно. Но не следует думать, что манера цесаревича изъясняться на русском – прямо, лаконично, бесхитростно – разительно менялась, когда он переходил на иностранный язык: он оставался верен себе, что давало основания недоброжелателям называть его владение языками дурным.

В сентябре 1865 года наступил первый день рождения Николая – уже без него. На панихиде Александр не сумел сдержать слез. Вечером он записал в свой дневник: «Плакал как ребенок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил более всех на земле и которого никто на свете мне заменить не может не только теперь, но и в будущем. С ним я разделял и радость, и веселье, от него ничего не скрывал и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Дагмар».

Все труды официальных историков полны упоминаний о горячем желании правящей четы устроить брак второго сына и Дагмар Датской. В истории известно немало случаев, когда по смерти царственного жениха невесту выдавали замуж за его брата и, наоборот, по смерти невесты жених спокойно вступал в брак с ее сестрой. Но это чаще всего были холодные династические, основанные на голом расчете союзы. А Николая и Дагмар связывала такая страстная, пламенная, хотя и кратковременная любовь!..

Но смерть брата и похоронные церемонии, затем принесение присяги, усиленная учеба несколько отвлекли цесаревича от его чувств к Мещерской. К тому же родители дали ему понять, что он должен жениться на датской принцессе. Однако стоило Александру снова встретиться с Марией, как он опять покорился ее очарованию.

Императрица все решительнее настаивала на датском браке. Незадолго до нового, 1866 года она имела разговор с сыном и принудила его дать согласие «сделать все как надо».

В дневнике наследник записал: «Теперь настает совсем другое время, серьезное; я должен думать о женитьбе, и дай Бог найти мне в моей жене друга и помощника в моей незавидной доле. Прощаюсь я с М.Э., которую любил, как никого еще не любил, и благодарен ей за все то, что она мне сделала хорошего и дурного. Не знаю наверное, любила ли она меня или нет, но все-таки она была со мной милее, чем с кем-либо. Сколько разговоров было между нами. Были и неприятности и ей, и мне за нашу любовь. Сколько раз я хотел отстать от этой любви, и иногда удавалось на несколько времени, но потом опять сойдемся и снова мы в тех же отношениях».

Через несколько дней царь и царица решили, что Александру следует ускорить сватовство: ехать в Копенгаген и просить руки принцессы Дагмар. Он безропотно подчинился долгу. Императрица стремилась закрепить непрочный успех. Она заставила Александра привыкать к мысли о Дагмар как о супруге, выбирать драгоценности для принцессы, чтобы завершить свадебный дар, который стали формировать еще при жизни Никсы.

Обратив внимание на несчастный вид наследника, император напрямую спросил: какие у него отношения с Мещерской? Царевич ответил, что никаких. И правда, можно ли было назвать «отношениями» невинные разговоры и редкие совместные прогулки? А юный богатырь внезапно осознал, что ему этого мало. «Я чувствую, что теперь меня это не насыщает, мне надо больше, но что это больше...» – исповедовался он своему дневнику. Но даже ему он не назвал свое чувство: физическое влечение, желание. Ему нужна была только Мари и никто другой.

Он несколько дней напряженно размышлял о будущем, о своем выборе и, наконец, решил отречься от престола. «Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжелого положения и, если будет возможность, жениться на милой М.Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Дагмар, которую я не могу любить и не хочу. Ах, если бы все, о чем я теперь так много думаю,

могло бы осуществиться! Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но, может быть, и удастся. Может быть, это будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я страшно мало ценю людей, мне страшно надоедает то, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены, как М.Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то все может сделаться, и, может быть, я буду счастлив с дусенькой и буду иметь детей. Вот мысли, которые теперь меня все больше занимают, и все, что я желаю. Несносно, что поездка в Данию на носу и преследует меня, как кошмар».

Отношение к Дагмар резко переменилось. В его дневнике вместо «будущая моя жена, милая Дагмар» появляется: «Я не могу ее любить и не хочу». Возникают нехарактерные для периода романтической влюбленности мысли о детях... Что могло так резко изменить его чувства. Может быть, он узнал нечто крайне неприятное для себя?

Желание цесаревича отказаться от женитьбы на Дагмар Датской становилось все сильнее, он готов был отречься от права престолонаследия ради любимой женщины в пользу следующего по старшинству брата Владимира. Амбициозный и самолюбивый, тот грезил о троне и считал себя гораздо более достойным преемником отца, чем неуклюжий старший брат.

Примеры отречения наследников от престола в доме Романовых имелись. Мыслью об отречении долго играл «русский сфинкс» Александр I. Великий князь Константин Павлович пошел дальше брата: панически боясь быть отравленным, он предпочел любовь польки Жанетты Груздинской короне Российской империи.

12 декабря 1825 года, за два дня до восстания декабристов, Сенатом был принят указ, ограничивающий права престолонаследника. Позднее Николай I не забыл включить его в Свод законов Российской империи. Согласно указу наследник престола, «имеющий на оный право», мог отказаться от него, но «в таких обстоятельствах, когда засим не предстоит такого затруднения в дальнейшем наследовании престола». Отречение объявлялось «невозвратным» после того, когда оно будет «обнародовано и обращено в закон».

Но даже намек на возможность отречения старшего сына вызвал страшный гнев царственных родителей. Александр, хоть и по-разному, преданно любил их обоих. Кроме того, развитое воспитанием чувство долга подсказывало, что он неправ. Но самое главное, он не был уверен в чувствах Мещерской: интуитивно он ощущал, что с ее стороны больше игры и азарта охоты, чем настоящего чувства. «Я каждый вечер молю горячо Бога, чтобы он помог мне отказаться от престола и, если возможно, устроить мое счастье с милой дусенькой. Меня мучит одно, это то, что я боюсь очень за М.Э., что, когда наступит решительная минута, она откажется от меня, и тогда все пропало. Я непременно должен переговорить с ней об этом и как можно скорее, чтобы ее не застали врасплох. Хотя я уверен, что она готова за меня выйти замуж, но Бог один знает, что у нее на сердце».

А что же Мария?

Когда читаешь дневники и воспоминания тех времен, создается впечатление, что княжна сначала откровенно завлекала царевича. Ущемленное с детства самолюбие и головокружение от открывшихся перспектив подогревали ее эмоции. Однако она заигралась и влюбилась сама.

Мещерская сделала все, чтобы заставить престолонаследника совершить решительные действия. Это привело к неожиданному результату. Александр, движимый самыми добрыми побуждениями, предложил ей присмотреться к его другу, богатому и знатному Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову, – он уже переговорил с ним, его друг будет ей прекрасным мужем. Это предложение свалилось на княжну как снег на голову. От Марии потребовалось все самообладание, чтобы сдержать чувства и сделать вид, что благодарна цесаревичу за заботу о ее судьбе и согласна узнать поближе этого кавалера. Ее ответный ход был силен: она ошарашила Александра известием, что ей сделал предложение молодой Витгенштейн. Александр «был убит морально и физически».

Снова возникла мысль об отречении и соединении со своей «дусенькой». И здесь большую роль сыграл Вово Мещерский, убеждавший друга, что любимая – расчетливая кокетка, не имеет сердца и только играет с Александром в жестокую игру.

Непрекращающееся давление со стороны родителей, особенно императрицы, заставило Александра отказаться от задуманного плана. Добившись от матери обещания, что честь Мещерской не потерпит никакого урона, что с ней будут обращаться доброжелательно и почтительно, наследник скрепя сердце отправился в Копенгаген.

Многочисленные мемуары рассказывают, что императрица Мария Александровна первое время не очень жаловала невестку – не могла ей простить, что та так скоро забыла свою первую любовь, ее красивого, умного, самого лучшего на свете старшего сына. Это трудно совместить с неотступным желанием царицы видеть Дагмар в России, рядом с собой. Зачем так упорно настаивать на союзе датской принцессы и Александра, который соглашался жениться только из уважения к родителям?

Эта загадка казалась трудно разрешимой, пока не увидели свет откровения Ф.И. Морозова-Второго. Ссылаясь на «Парижский архив русской эмиграции», в котором ему удалось поработать, он утверждал, что Николай II и его близкие не были расстреляны в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. По секретному дополнению к мирному Брест-Литовскому договору семья бывшего российского императора в Бресте 4 августа 1918 года была выдана представителю генштаба Германии при условии отказа его от собственного имени, сбережений (особенно сбережений!) и собственности, а также от публичных выступлений в эмиграции⁴. Вместо отрекшегося царя уничтожили графа Крымова, по паспорту которого Николай II неоднократно выезжал в Ниццу и Компьень. При передаче Николая Александровича Романова германским властям ему был вручен паспорт графа Николая Крымова.

Но кто такой граф Крымов?

По данным Ф.И. Морозова-Второго, граф появился на свет в 1865 году. Он был сыном цесаревича Николая Александровича и принцессы Дагмар. Они были обручены и практически женаты, когда цесаревич внезапно умер в Ницце – по официальной версии, от спинномозгового менингита. По версии неофициальной, наследник был отравлен в результате интриги великого князя Константина Николаевича и его жены.

Таким образом, граф был почти на три года старше Николая II, чуть выше его и здоровее физически. Однако в Екатеринбурге подобные отличия не были замечены даже прислугой бывшего императора, которая о существовании старшего брата Николая II по матери узнала только в ссылке.

Граф прибыл в Екатеринбург по приглашению некоего высокопоставленного чиновника аппарата ВЦИК РСФСР с целью инсценировки пребывания в городе бывшего императора. Там он и нашел свою смерть.

Это только версия, но она может многое объяснить.

Если ее принять, становятся понятны странные слова императора Александра II в письме сыну: **«теперь она нам особенно дорога»**. Можно объяснить и настойчивость императрицы в желании заполучить не столько принцессу, сколько внука, сына своего обожаемого Никсы. Ведь если бы Дагмар вступила в другой брак, ее ребенок вряд ли попал бы в Россию. Знать, что от любимого сына осталось продолжение, плоть от его плоти, кровь от крови, и не иметь возможности быть с ним рядом, разговаривать, видеть в нем повторение его отца было для Марии

⁴ Несмотря на официальные заявления, что экспертиза однозначно установила идентичность останков, найденных в окрестностях Алпатьевска, с членами семьи последнего императора, поверили в это только непосвященные. Патриарх российский не присутствовал при захоронении неизвестных останков в царской гробнице; митрополит Варфоломей, пропев им вечную память, не назвал по имени, только указав, что Бог знает, кто они. До настоящего времени появляются исследования, подтверждающие, что расстреляна была не царская семья. См., например: Григорьев Ю. Последний император России. Тайна гибели. М., 2011.

Александровны непереносимо. Надо полагать, что императрица сумела заразить колеблющегося, нерешительного и в этот момент чувствовавшего себя виноватым супруга своим настроением. Сильно притянутым за уши кажется распространенное мнение, что Александру II так сильно нравилась Дагмар, что он во что бы то ни стало стремился «сохранить ее за Россией». В это время он пламенно мечтал совсем о другой девушке, ровеснице датской принцессы, определившей его судьбу на много лет.

Отсюда такое волнение императорской четы при сообщении о статье в одной французской газете, в которой говорилось, что наследник российского престола ведет несерьезную жизнь и отказывается от брака с датской принцессой, поскольку увлечен другой женщиной – княжной Марией Элимовной Мещерской. Утверждали, что эту статью перепечатали и в других странах, и – самое главное – в Дании.

Датский король Христиан IX был женат на немецкой принцессе Луизе Гессен-Кассельской. Именно она, племянница бездетного короля Дании Фредерика VII, последнего представителя старинной династии Ольденбургов, принесла корону гвардейскому офицеру из дома Глюксбургов. В этом добропорядочном браке родилось трое сыновей и три дочери. Обстановка в семье сложилась религиозной и высоконравственной⁵. Королевские дети испытывали исключительную привязанность друг к другу. В это время старшая принцесса Александра Прекрасная уже была замужем за принцем Уэльским Эдуардом⁶. Дагмар (в переводе – «утренняя заря») не отличалась такой замечательной красотой, как сестра, но превосходила ее живостью, обаянием и жизнелюбием. Признавая безусловную красоту Александры, датчане больше любили жизнерадостную принцессу Дагмар.

Выдать замуж свою очаровательную крошку дочь для датского монарха не было проблемой, но не только самым блестящим, но и самым желанным и выгодным для датского дома представлялся союз с наследником российского престола. Добрые отношения с Россией являлись гарантией нейтралитета Германии, внезапно выросшей из маленькой, но агрессивной Пруссии и уже лишившей миролюбивую Данию ее исконных территорий – Шлезвиг-Гольштейна и герцогства Лауэнбургского. А чем была выгодна женитьба престолонаследника на принцессе-бесприданнице из страны, только что потерпевшей поражение в войне и потерявшей свои самые богатые и плодородные провинции? Николай был влюблен, это испугало все. Но его брат любил другую женщину.

Печальный Александр вместе с братьями Владимиром и Алексеем, явившийся хотя и не по зову сердца, а лишь во исполнение долга, был встречен со всем радушием, как будто он прилетел на крыльях любви. Было много праздников и развлечений, но веселились в основном младший брат Алексей и свитские офицеры. Владимир рвал и метал: он никак не мог отказаться от своей мечты о престоле, которая снова, едва поманив, умчалась. Женитьба брата делала его призрачные надежды совсем нереальными. Но все-таки вдруг не сложится, не удастся этот брак, которого так желали родители? Тогда у него снова появится шанс...

«Я чувствую, что могу, и даже очень, полюбить милую Минни, тем более что она нам так дорога», – писал Александр родителям.

Однако в проявлении чувств был сдержан.

Это сватовство напоминало какой-то мещанский водевиль.

Родные невесты окружают колеблющегося жениха вниманием и заботой; король Христиан, сановитый и рассудительный, спрашивает его совета по политическим вопросам; братья принцессы показывают ему свои охотничьи ружья и рассказывают веселые истории, в центре

⁵ Впрочем, короля Христиана замечали во многих фrivольностях, а смерть его оказалась обставленной весьма сомнительными подробностями: он был найден мертвым рядом с борделем.

⁶ После октябрьского переворота именно Великобритания прислала свой военный корабль за вдовствующей императрицей Марией Федоровной, как стали звать принцессу Дагмар в России; она отказалась принять помощь от немцев, предпочитая погибнуть от рук большевиков, чем унизиться перед исконными врагами своего дома.

которых – добросердечная умница Дагмар; сама невеста, смышленная, изящная и полная обаяния, преданно заглядывает в глаза и очаровательно краснеет.

Но предложения все нет и нет.

Наконец, королева Луиза предлагает дочери показать гостю из России свою девичью спальню. Сопровождаемый всей королевской семьей Александр торжественно препровождается в покои Дагмар. Под разными предлогами Алексей и родные принцессы удаляются, а младшая сестра Тира для верности запирает снаружи дверь на ключ.

По воспоминаниям самих героев, в запертой комнате они рассматривают альбом Дагмар с фотографиями Никсы. На парных снимках видно, как сильно они влюблены друг в друга. «Может ли она когда-нибудь кого-нибудь снова полюбить?» – спрашивает Александр, и умненькая девушка отвечает: «Никого, кроме его брата» – и крепко целует молодого человека. «Слезы и у меня, и у нее», – записывает в своем дневнике Александр.

Предложение сделано и с готовностью принято; дверь открывается, и все родственники бросаются поздравлять жениха и невесту. Хода назад нет.

Грустный, но спокойный Александр вернулся в Россию. Он выполнил свой долг, принес себя в жертву интересам династии. Ему хотелось рассказать обо всем матушке, поделиться своими чувствами, сомнениями. Но императрицы нет в Москве, супруг отправил ее с детьми в Ильинское; ему нужна свобода, чтобы предаться сладостному времяпрепровождению с новой фавориткой Екатериной Долгорукой.

Смерть молодого сына словно придала новые жизненные силы 47-летнему императору. Он полностью погрузился в свое чувство; семья отошла на второй план.

Большой простодушный мальчик разочарован и растерян – до него как будто никому не было дела. Отец весь в новой любви, мать в отчаянии. А он ожидал похвалы, благодарности – ведь он только что, проявив самоотречение, укрепил положение императорского дома. Наконец, родители воссоединяются, но они – каждый по себе; никогда они уже не будут единым целым, как это бывало до Долгорукой. Действия наследника рассеянно одобрили, и он снова стал сомневаться в верности избранного пути.

Тем временем Дагмар собиралась на свою новую родину. Снова вспоминает Шереметев: «Вот, наконец, появилась четырехместная коляска. Принцесса Дагмар приветливо кланялась во все стороны и на всех произвела чарующее впечатление». На всех – но не на наследника. Он мрачен и погружен в себя. Его любимая Мари отправлена в Париж, родители нетерпеливо ждут бракосочетания, а кто подумал о его чувствах? Его дурное настроение граничит с неучтивостью. «В публике стали жалеть невесту, лишившуюся изящного и даровитого жениха и вынужденную без любви перейти к другому – человеку грубому, неотесанному, плохо говорившему по-французски... Таков был отзыв придворных. Зато популярность принцессы росла. В ней видели залог благополучия, на нее возлагали всю надежду, а она своими лучистыми глазами зажигала сердца, простота ее и прелесть сулили счастье и покой»

Датская принцесса сразу приняла православие и стала для всех Марией Федоровной, а для близких – Минни. На балах Минни танцевала с упоением, Александр нервничал, танцевать не хотел и думал: скорее бы уж они повенчались. От физиологии никуда не деться, а Минни принадлежала к тому же женскому типу, что и Мещерская: изящная темноглазая брюнетка небольшого роста.

Жених и невеста редко оставались наедине. Но однажды, когда им это все же удалось, его принцесса сделала сальто через голову. Александр был потрясен: он не подозревал, что Минни прекрасная гимнастка. Но это была лишь одна из тех наивных милых выходок, которыми она любила удивлять его всю последующую жизнь.

Наконец, 13 октября произошел обряд обручения. Свадьбу назначили через две недели. Стали съезжаться радостные гости. Один Александр ходил мрачнее тучи. Он не мог дожидаться 26 октября, а церемонию еще и отодвинули на два дня из-за недомогания императрицы.

Но долгожданный день настал. Мария Федоровна появилась в сарафане из серебряной парчи, малиновой бархатной мантии, отделанной горностаем, на голове переливалась малая бриллиантовая корона.

«Процессия тронулась в церковь... Вся церемония не заняла много времени, но стоила многих переживаний и жениху, и невесте, теперь соединившим свои жизни перед алтарем».

С этой минуты началась счастливая 30-летняя жизнь супругов.

В Аничковом дворце

Молодая пара сразу полюбила Аничков дворец, который император выделил наследной чете для проживания. Но побывать там удавалось только ночью – этикет предписывал отдать визиты членам императорской фамилии. Прежде всего, братьям царя: Константину, Николаю и Михаилу. Затем сестрам – Марии и Ольге. И особенно – почтенной вдове Елене Павловне, которая так резко выступала против объявления Александра наследником престола, а потом всем рассказывала, как Александр не хотел жениться на датской принцессе. Она вместе с единственной замужней дочерью Екатериной Михайловной жила в самом красивом после Зимнего Михайловском дворце. Эти визиты были очень ответственные, но Минни держала себя так естественно и непринужденно, что всем понравилась.

Если же ни светские обязанности, ни государственные дела не отвлекали молодоженов, они с удовольствием предавались простым радостям: гуляли по саду, пили чай в кабинете Александра, откуда виден был весь Невский, болтали, целовались...

Александр не жаловал светские развлечения, видел в танцах пустое препровождение времени. Но Минни, в отличие от Александра, вовсе не тяготили балы. Она любила их «отчаянную младость, и тесноту, и блеск, и радость». Она обладала счастливым характером: вещи даже обязательные, для кого-то скучные, ей доставляли удовольствие – уроки русского языка при несомненных успехах в учебе, изучение закона Божьего, общение с дамами императорской семьи – цесаревне все удавалось, все становилось поводом для радости.

Однако и у Минни бывали минуты тревоги и печали: шли дни и месяцы, ей исполнилось 19 лет, но даже намек на появление потомства не замечалось.

В конце апреля 1867 года Александр повез жену в Москву. Он считал, что древняя столица сделает ее русской скорее, чем европейский Петербург. Москвичи встречали цесаревну, выучившую несколько приветственных фраз на русском языке, восторженно и тепло. Ее поразили величественный Кремль, блеск сокровищ оружейной палаты, собор Василия Блаженного. Она искренне старалась полюбить Россию, и ей это удавалось.

Император требовал присутствия сына в Петербурге, его деятельного участия в управлении государством. Он желал, чтобы наследник всюду сопровождал его. Александр II тяжело переживал покушение 23-летнего Дмитрия Каракозова. Если бы не Осип Комиссаров, толкнувший под руку убийцу, все могло закончиться трагически. Цесаревич Александр писал в своем дневнике: «...Призвали мужика, который спас. Папа его поцеловал и сделал дворянином. Опять страшнейший ура». «Меня Бог спас», – говорил царь и усердно молился.

Кроме того, в Петербурге намечалось дело, которое никак не могло обойтись без Минни. Ее второй брат Вильгельм, за три года до того избранный греческим королем Георгиусом I, приехал просить руки любимой кузины Александра Ольги Константиновны. Считается, что 16-летняя великая княжна не слишком стремилась выйти за 20-летнего короля, но он был очень влюблен, а королевская корона так притягательна...

15 октября 1867 года состоялась пышная свадьба по православному обряду. А вскоре семейство Романовых узнало, что молодая чета собирается порадовать греков рождением первенца. Радуюсь за брата, Минни в то же время чувствовала себя глубоко расстроенной: она до сих пор не ощущала признаков беременности.

После свадьбы кузины, в июне 1867 года, Александр вместе с братом Владимиром сопровождал отца в Париж на Всемирную выставку. Минни почти каждый день писала ему нежные письма. Она не знала, что там цесаревич встретил свою первую любовь, Марию Мещерскую. Мари уже была замужем за П.П. Демидовым⁷ и ждала ребенка. Обоим было грустно.

⁷ По отзывам современников, Демидов, князь Сан-Донато, «был пустой человек, сумасброд». Однажды он неуместной

Через несколько месяцев Мария Демидова умрет родами.

Император приобщал обоих старших сыновей к политическим делам и к умению представлять. Наполеон III надеялся очаровать русского царя, рассеять его неудовольствие, вызванное позицией Франции в польском вопросе, и склонить его на свою сторону, чтобы сдержать быстрый рост влияния Пруссии в Европе. Русские гости были поселены в Елисейском дворце. 2 июня они присутствовали на скачках, 4-го посетили торжественное представление в опере. Пятого во время посещения Sainte Chapelle представители французской интеллигенции крикнули в лицо царю и великим князьям: «Да здравствует Польша!» В четверг, 6-го, состоялся военный парад в Лоншане, на котором присутствовал и прусский король. Когда русские гости возвращались с парада через Булонский лес, польский эмигрант Березовский два раза выстрелил в царя, ехавшего в карете с Наполеоном III, но оба раза промахнулся. Царь испугался, но не столько за себя, сколько за сыновей: он хватал их за руки, спрашивая, не ранены ли они. Прекрасная императрица Евгения с тех пор всегда старалась держаться рядом с царем, своим телом заслоняя его от толпы и от возможного выстрела.

«Мы пережили в Париже трудные дни, – рассказывал цесаревич в письме другу, – ни единой минуты не чувствовал там я себя спокойно. Никто не мог дать гарантию, что покушение не повторится. У меня было одно желание: покинуть Париж. Я был готов послать все к черту, лишь бы император мог как можно быстрее целым и невредимым вернуться в нашу матушку Россию. Какое счастье вырваться, наконец, из этого вертепа!»

Александр был потрясен и возмущен. Сначала оскорбительный выкрик в Sainte Chapelle, затем подлое покушение на отца. Он ощущал огромную любовь к этому мужественному человеку, который так спокойно реагировал на выстрелы.

Но, как всегда, за приливом любви последовал приступ разочарования. В Париж явилась пассия отца, и тот, нарядившись в белый доломан и лосины, мчался к Долгорукой и проводил с ней все время, свободное от официальных приемов и празднеств. Наследник, не всегда созвучный с братом Владимиром, на этот раз вместе с ним чувствовал себя оскорбленным за императора.

Жизнь царя-освободителя подвергалась ежечасной угрозе. Радея за державу, он требовал у сына скорейшего рождения ребенка. Когда после возвращения из Парижа Александра он и Минни гостили в Дании, император раздраженно писал им: «Помните, что вы оба принадлежите России и вся ваша жизнь должна быть посвящена вашему долгу».

Однако от молодых супругов все не приходило утешительного известия.

Интересно, какие чувства испытывал Александр из-за того, что судьба не давала ему потомства? Ведь если у Минни уже был ребенок от его брата, сам он оказывался несостоятельным. Скорее всего, цесаревич считал себя виновным в том, что женился на вдове брата – поддался давлению родных. Но ни одного слова об этом он не поведал даже дневнику.

Особенно раздосадован был император Александр – наследной чете пришлось писать ему большое объяснительное письмо.

Несмотря на желание императора видеть их в Петербурге, цесаревич с супругой отправились в Висбаден, где Минни встретила свою сестру, принцессу Уэльскую Александрой, отдыхавшей там с мужем. Наследники двух великих держав познакомились и подружились. Но пока принц Уэльский не имел практически никаких прав: Британией правила его матушка, властная королева Виктория.

А.Ф. Тютчева, увидевшая Александра после нескольких лет разлуки, отмечала, что он прекрасно выглядит, приобрел импозантность и даже некоторую лохочность. Действительно,

выходкой в опере испугал беременную жену, так что, возможно, роды были преждевременными. Перед смертью Мария якобы призналась Александру Жуковской, что не любила никого, кроме цесаревича Александра.

на портрете того времени, одном из немногих, где цесаревич одет в гражданское платье, он смотрится вполне европейским щеголем.

Александр II приказал вернуться наследнику в сентябре в Петербург. Четырехмесячные европейские каникулы закончились. Но они не прошли даром: к годовщине их свадьбы чаяния семьи и всей России сбылись: Мария Федоровна объявила о своей беременности. «Теперь с благословения Божьего я имею надежду иметь детей, – писал цесаревич в своем дневнике, – я счастлив, но одной надежды мало, и я уповаю во всем на господа. Да будет воля его».

6 мая 1868 года великая княгиня Мария Федоровна родила первенца. Молодой отец записал в своем дневнике: «Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 часов утра. Наконец мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще, и сильнее. Я скорее написал Мама записку об этом, и Мама с Папа приехали около 10 часов, и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по времени. Около 12 ¹/₂ жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец в половине третьего пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была – этого нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя, и так легко было на душе и так приятно».

Счастливые родители не обратили внимания или не придали значения тому, что Николай появился на свет в день святого праведника великомученика Иова. Святитель Иов, первый патриарх Московский и всея Руси, безропотно прошел через все испытания, потерял все, что нажил, и стал свидетелем гибели своих детей. Печальное предзнаменование. Но охваченные ликованием родители и весь народ в тот день не хотели думать о печальном и горестном.

В день появления на свет своего первого внука Александр II объявил амнистию, причем наибольшие льготы получили политические преступники. Всех каторжан перевели в разряд ссыльных, а ссыльным разрешили поселиться в сибирских городах и даже в европейской части России, но в отдаленных от столицы губерниях.

Крестными царственного младенца стали его дед – император Александр II, бабушка со стороны матери – датская королева Луиза, двоюродная прабабушка – великая княгиня Елена Павловна и дядя, датский принц Фредерик.

Ребенок был на редкость спокоен и мил, красив и жизнерадостен. «Солнечный лучик» – называла его императрица Мария Александровна; «луч света», говорил о нем дед-император.

В 1869 году родился Александр, но умер на следующий год. В 1871 году на свет появился Георгий; в 1875-м – Ксения, в 1878-м – Михаил, в 1882-м – Ольга.

«Рождение детей есть самая радостная минута жизни, и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство, совершенно не похожее ни на какое другое», – писал цесаревич своему наставнику Константину Победоносцеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.